

Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и ее первых русских читателях

Маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857) принадлежал к числу тех литераторов, кого называют писателями второго ряда. Светский человек и автор романов из жизни светских людей: «Алоис» (1829), «Свет как он есть» (1835; название говорит само за себя), «Этель» (1839), «Ромуальд» (1848), он любил также жанр путевых заметок, к которому принадлежат «Записки и путешествия» (1830; о Швейцарии, Италии и Англии) и «Испания при Фердинанде VII» (1838). Впрочем, в свое время Кюстин пользовался немалой известностью; среди поклонников его таланта был такой искушенный ценитель, как Бальзак, который, прочтя книгу Кюстина об Испании, убеждал ее автора, что, «посвятив подобное произведение каждой из европейских стран, он создаст собрание, единственное в своем роде и поистине бесценное»¹. Таких одаренных литераторов среди современников Кюстина было немало, однако кто, кроме специалистов, знает сегодня имена, например, Жюля Жанена или Альфонса Карра (называю этих двоих хотя бы потому, что их прозу ценил Пушкин)? Имя же Кюстина знают, и не только во Франции, даже те, кто не прочел ни строки, им написанной. Эту известность ему принесла книга «Россия в 1839 году» — выпущенное в мае 1843 года повествование о путешествии, совершенном летом 1839 года.

Сам автор, пожалуй, не склонен был считать «Россию» своим главным произведением; меж тем именно эта книга, сразу же по выходе переведенная на английский и немецкий языки, принесла ему европейскую славу².

В России же книга Кюстина была немедленно запрещена³ и надолго сделалась легендой для всех, кто не читает по-французски; можно сказать, что ле-

¹ Balzac H. de. Correspondance. P., 1967. Т. 3. P. 425.

² О переводах «России в 1839 году» см. примеч. к с. 29.

³ О запрещении «России в 1839 году» Комитетом цензуры иностранной, воследовавшем уже 1/13 июня 1843 г., см. подробнее в примеч. к с. 29. Вначале запрет был наложен даже на верноподданную и весьма критическую по отношению к Кюстину брошюру Н. И. Греча (о ней см. с. 21), чтобы русская публика, паче чаяния, не ознакомилась с кюстиновскими «наветами» по греческим выпискам, однако затем Главное управление цензуры все-таки разрешило продажу брошюры Греча в России (см.: *Гринченко*. С. 75; список условных сокращений, использованных в статье и комментариях, см. на с. 1029–1032).

гендой она оставалась и до середины 1990-х годов, потому что все существующие ее «переводы» на русский язык воспроизводили текст не полностью и представляли собою сделанные с разной степенью подробности выжимки из него.

Под заглавием «Россия и русский двор» книга Кюстина в переводе К. Плавинского была напечатана в «Русской старине» (1891, № 1–2; 1892, № 1–2), затем под заглавием «Николаевская эпоха» — отдельным изданием в 1910 году¹, а под заглавием «Николаевская Россия» — также отдельным изданием в 1930 году². Очень скоро после 1930 года Кюстин вновь оказался под запретом в советской России точно так же, как в царской; издание 1930 года распространялось в виде самиздатовских ксерокопий до 1990 года, когда было переиздано³. В 1990-е и 2000-е годы оно выходило еще несколько раз, иногда (1997, изд-во «Терра»; 2008, изд-во АСТ) под названием «Николаевская Россия», а иногда (2007, изд-во «Захаров») — под подлинным авторским названием.

Список на первый взгляд внушительный, однако ни одно из названных изданий не содержит полного и точного перевода кюстиновской книги (не случайно совестливые издатели не давали ей того названия, какое дал своей знаменитой книге французский автор, — «Россия в 1839 году»). В «Русскую старину» вошли лишь некоторые главы книги, да и те частично не переведены, а пересказаны, издание 1910 года — откровенный пересказ, сопровождаемый пояснениями и восклицаниями издателя, В. Нечаева; издание 1930 года — перевод, разумеется, более полный и более профессиональный, но все равно вовсе не воспроизводящий книгу Кюстина во всем ее объеме (этот перевод короче подлинника в десять раз!).

Сокращенные переводы «России в 1839 году» выходили в XX веке и в Европе, и в Америке; сами французы не раз выпускали эту книгу, «сжав» ее до одного нетолстого тома⁴. Однако французские читатели при желании могли познакомиться и с полным текстом⁵, на русском же языке до 1996 года, когда впервые был выпущен перевод, перепечатающийся (с некоторыми исправ-

¹ Николаевская эпоха: Воспоминания фр. путешественника маркиза де Кюстина / Пер., [предисл.] и примеч. В. Нечаева. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1910.

² Кюстин маркиз де. Николаевская Россия / Вступ. статья, ред. и примеч. С. Гессена и Ан. Предтеченского; пер. с фр. Я. Гессена и Л. Домгера. М.: Изд-во Всесоюзн. о-ва политка-торжан и ссыльно-поселенцев, 1930.

³ Кюстин А. де. Николаевская Россия / Пер. с фр. Я. Гессена, Л. Домгера; вступ. ст., ред. и примеч. С. Гессена, А. Предтеченского; предисл. С. Мироненко. М.: Политиздат, 1990.

⁴ Сокращенные переиздания вышли во Франции в 1946, 1960 и 1975 гг. под названием «Lettres de Russie» («Письма из России») и в 1957 г. под названием «Voyage en Russie» («Путешествие в Россию»).

⁵ Первое полное французское переиздание «России в 1839 году» выпустил в 1990 г. Мишель Парфенов в парижском издательстве «Solin».

лениями) в настоящем издании, полный Кюстин не существовал. Меж тем полный текст «России в 1839 году» и ее сокращенные варианты — произведения разных жанров. Авторы «дайджестов», выбирая из Кюстина самые хлесткие, самые «антирусские» пассажи, превращали его книгу в памфлет. Кюстин же написал нечто совсем другое — автобиографическую книгу, рассказ о своем *собственном* (автобиографический момент здесь чрезвычайно важен) путешествии по России в форме писем к другу¹.

Кюстин предложил вниманию читателей свои впечатления и размышления, не пугаясь повторов и противоречий (он специально оговаривает эту особенность книги). «Россия в 1839 году» — произведение не только об увиденной Кюстином стране, но и о нем самом; эта сторона дела полностью ускользает от внимания тех, кто читает «Россию» в сокращенном виде, а ведь близкое знакомство с умным автором, возможно, заставило бы кого-то из читателей отнестись с меньшим предубеждением к тому, о чем он рассказывает.

Свою биографию Кюстин отчасти изложил в «России в 1839 году» (*Письма второе и третье*). Был, однако, в этой биографии момент, о котором Кюстин, естественно, умолчал, но который имеет большое значение для понимания его творчества и о котором непременно сообщают все его беспристрастные биографы. 28 октября 1824 года Кюстин, годом раньше потерявший молодую жену (она умерла от чахотки) и после этого давший волю своим гомосексуальным склонностям, назначил на дороге в парижский пригород Сен-Дени свидание некоему молодому солдату. Итог получился самый печальный: товарищи солдата избили и ограбили Кюстина; история получила огласку и скомпрометировала маркиза в глазах парижских аристократов, которые «пришли в такую ярость, словно им нанесли личную обиду, и спросили с Кюстина за то уважение, которое питали к нему прежде»².

С тех пор положение Кюстина в свете приобрело оттенок двусмысленности. С одной стороны, во многих домах (но не в высшем свете) его принимали, да и его парижский салон на улице Ларошфуко, равно как и загородное имение Сен-Грасьен, видел в своих стенах славных посетителей: Мейербера, Шопена, Берлиоза, Виктора Гюго и проч. С другой стороны, избавиться от печати отверженности Кюстину дано не было, и снисходительны к нему были люди искусства, но не аристократы. Современник свидетельствует: «Он (Кю-

¹ Причем это деление книги на «письма», в противоположность тому, что утверждали многие недоброжелатели, — не просто литературный прием (см. подробнее в примеч. к с. 31 и 213).

² Цит. по: *Tarn*. P. 119 (С. П. Свечина — Э. де Лагранжу, 30 июля 1825 г.). Этот эпизод стал предметом гласности потому, что клерикалы, стоявшие у власти, стремились, опозорив Кюстина, скомпрометировать его покровителя Шатобриана; см.: Diethelm M.-B. *La boue de Saint-Denis* (1824): Astolphe de Custine, «un homme marqué du sceau de la réprobation» // *Romantisme. Revue du dix-neuvième siècle*. 2013. № 159. P. 47–58.

тин) входит в гостиную, как подсудимый в залу суда, — неровным шагом, потупившись, говорит неуверенно, действует нерешительно (...) он напоминает игрока, которого партнер схватил за руку, воскликнув: „Если эти карты не крапленые, я не прав, — но они наверняка крапленые“¹. Другой современник рисует портрет еще более выразительный — «довольно полного и грузного мужчины, одетого прилично, без претензий», который поразил мемуариста «своими туманными речами, робкими остротами, великолепным знанием светских приличий, выдающим истинного дворянина, умением довести все, что нужно, до сведения собеседника, мягким лукавством, великосветскими любезностями, которые пристали скорее юноше, нежели зрелому мужу, странной робостью и неким сознанием собственной приниженности, уязвимости, которое плохо сочеталось с меткими репликами, философическими наблюдениями и смелыми замечаниями, сверкавшими среди этой густой смеси болезненной скромности, меланхолии, мистицизма и низменной чувственности. Рассказчик и говорун он был бесподобный. Речи его не грешили ни излишней тяжеловесностью, ни излишним блеском. Час пролетел, как одна минута, и он удалился бесшумно, как человек XVIII столетия. Графиня посмотрела на свою ручку и легонько трянула ею. „Бедняга маркиз, — сказала она, — он очарователен, но я терпеть не могу его рукопожатий. Они мне отвратительны“. — „Отчего же?“ — „Его рука не жмет, а липнет“. — „Он говорит великолепно, его речь — истинный фейерверк“. — „Который тонет в воде, — продолжила графиня. — Тут такие печальные глубины, такие темные пропасти! Это Кюстин“. — „Ах вот оно что!“ — произнес я. Услышав мое восклицание, графиня улыбнулась»². Далее автор приведенных строк, Филарет Шаль, в конце концов подружившийся с Кюстином, превозносит разнообразные достоинства этого «необыкновенного и несчастного человека», который, «сжав зубы, сносил презрение общества» и был «честным, великодушным, порядочным, милосердным, красноречивым, остроумным, почти философом, изысканным, почти поэтом», — однако характерно, что непосредственной реакцией на имя маркиза была брезгливость. Недаром тот же Шаль несколькими десятилетиями раньше, чем были написаны его мемуары, в рецензии на роман Кюстина «Свет как он есть» (*Chronique de Paris*, 22 февраля 1835 г.) позволил себе шутку столь же прозрачную, сколь и оскорбительную: «Это не свет как он есть, а свет задом наперед, сочинение остроумного человека, привыкшего атаковать с тыла»³.

¹ Année balzacienne, 1981. P., 1981. P. 244 (Мориц О’Доннел — барону Фаво де Френиий-Йонни, 12 июня 1835 г.).

² Chasles Ph. Mémoires. P., 1876. T. 1. P. 308–310. Упомянутая в тексте дама — графиня де Мерлен, дочь знатного испанца и жена наполеоновского генерала, многолетняя корреспондентка Кюстина.

³ Цит. по: Там. P. 273.

Выводить все особенности творчества Кюстина из его гомосексуальных склонностей, как это сделал Б. Парамонов, столь же наивно, сколь и полностью отрицать наличие этих склонностей, как это сделал в своей изобилующей грубейшими фактическими ошибками книге М. Буянов¹. Упомянуть об этих склонностях Кюстина необходимо потому, что сознание собственной отверженности стало одной из важных составляющих его личности; в строках из романа «Этель» звучит, бесспорно, признание глубоко автобиографическое: «Пытаться выжить в цивилизованном обществе, не вызывая к себе уважения, — непоследовательность, нравственное самоубийство, оскорбление его величества человека, бунт, но бунт, не доведенный до конца, а следственно, неудачный; бунтом, доведенным до конца, стала бы жизнь дикаря; жить бунтарем можно, но невозможно жить отверженным!»²

Другая важная черта личности Кюстина — его принадлежность к тому психологическому типу, который описал в начале века Франсуа-Рене де Шатобриан, знаменитый писатель и возлюбленный матери Астольфа, оказавший на будущего автора «России в 1839 году» влияние и литературное, и человеческое³. В 1802 году Шатобриан выпустил трактат «Гений христианства», в состав которого включил повесть «Рене». Ее герой — человек, который «познал разочарование, еще не изведав наслаждений», который «еще полон желаний, но уже лишен иллюзий», который «живет с полным сердцем в пустом мире и, ничем не насытившись, уже всем пресыщен»⁴. Кюстин, по его собственному признанию, «имел несчастье родиться в эпоху, которая признала литературным шедевром „Рене“»⁵. Он унаследовал многие черты характера от разочарованного и безвольного героя Шатобриана и описывал свое внутреннее состояние в близких категориях: «Безразличие к самому себе и лень стали как бы корнями моего существа; дарования мои от этого страдают, и, как бы ни

¹ См.: Парамонов Б. Непрошенная любовь: маркиз де Кюстин в России // Время и мы. 1993. № 119. С. 155–176 (то же: Звезда. 1995. № 2); Буянов М. Маркиз против империи, или Путешествия Кюстина, Бальзака и Дюма в Россию. М., 1993. (См. нашу рецензию на эту книгу: Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 400–413.)

² *Ethel*. Т. 1. Р. 293. Эта позиция отверженного вызвала, между прочим, одобрение такого строгого ценителя, как Бодлер. «Господин де Кюстин, — писал он в статье „Госпожа Бовари“ (1857), — представляет собою разновидность гения, чей дендизм доходит до идеальной беспечности. Это простодушие дворянина, эта романтическая пылкость, эта честная насмешка, это небрежное проявление личности в каждом слове и жесте, — все это недоступно пониманию стада, так что этот превосходный писатель навлек на себя все несчастья, каких был достоин его талант» (Baudelaire Ch. *Curiosités esthétiques*. Р. 1962. Р. 643–644).

³ О влиянии Шатобриана и стремлении Кюстина от него избавиться см. также примеч. к с. 81.

⁴ Эстетика раннего французского романтизма / Пер. О. Э. Гринберг, В. А. Мильчиной. М., 1982. С. 154.

⁵ *Mémoires et voyages*. Р. 103.

старался я пробудиться от постыдной спячки, я способен лишь *видеть* и *знать*. Но для того, чтобы заставить меня *действовать*, требуется нечто большее, чем я сам. „Рене“ и его автор, ставшие моими первыми поводьями в этом мире, причинили мне немало горя, ибо по их вине я стал гордиться расположением души, которое мне следовало бы подавлять»¹. Это расположение души было по преимуществу трагическим: «Если нам так легко быть, отчего же нам так трудно желать? (...) Коль скоро ты рожден на свет, надо жить, но жить можно, лишь вскрыв себе вены и глядя, как течет из них кровь»².

Кюстин считал безволие, бездеятельность, разочарованность свойствами греховными, но не смог избавиться от них до конца жизни (см. его описание колебаний перед поездкой в Россию в *Письме четвертом* и рассказ о собственной робости в *Письме шестнадцатом*). Свойства эти, наряду с незаживающей травмой, следствием сомнительной репутации, составляли основу его личности, которая позволила ему особенно обостренно воспринять некоторые аспекты российской действительности. Гневные тирады Кюстина по поводу унижений, которым подвергаются русские простолудины, не просто риторика; автор «России в 1839 году» знал, что такое быть отверженным, не по чужим рассказам. С другой стороны, восхищенные интонации, в каких Кюстин говорит о российском императоре, объясняются едва ли не в первую очередь страстным желанием обрести в его лице того «великого человека», который, в отличие от наследников Рене, умеет *желать* и *действовать* (Б. Парамонов, впрочем, не сомневается, что все дело тут в тяге французского гостя к красивому мужчине, каким, бесспорно, был Николай I).

Не менее важную роль в предыстории кюстиновского «отчета» о поездке в Россию сыграли его политические взгляды, сформировавшиеся еще в юности. Для Кюстина характерно своеобразное сочетание либерализма с аристократизмом и одновременно некоторое отчуждение от обоих. В определенном смысле это можно считать данью семейной традиции: дед писателя генерал де Кюстин принадлежал к тому типу французских аристократов, которые из благородных побуждений пошли во время Революции служить новой власти

¹ Цит. по: *Lettres à La Grange*. P. 62 (письмо от 1 октября 1818 г.). О том же 26 мая 1817 г. Кюстин писал Рахели Варнгаген: «Если г-н де Шатобриан и принес Франции некоторое добро, он принес ей также и немало зла, и лично я еще долго буду ощущать это на себе самом. Он открыл гордыне и суетности прибежище в мечтательности и меланхолии; он перенес светские страсти в святилище добродетели, и с его благословения честолюбие мятущихся душ стало нередко принимать облик религиозного созерцания: увидеть так ясно, кто ты, и не иметь ни малейшей надежды измениться, — ведь это страшно!» (*Lettres à Varnhagen*. P. 197).

² *Lettres à Varnhagen*. P. 197; письмо к Рахели Варнгаген от 26 мая 1817 г.; сходные признаки относительно своей «неспособности желать и действовать» Кюстин делает и через 20 лет в письме к австрийскому канцлеру Меттерниху; см.: Derré J.-R. *Astolphe de Custine et Metternich // Approches des Lumières*. P., 1974. P. 142. См. также примеч. к с. 97.

и очень скоро погибли от ее руки (см. *Письмо второе*); мать, Дельфина де Кюстин, потеряла в революционные годы свекра и мужа и едва не погибла сама (см. *Письмо третье*), но, выйдя на свободу после термидорианского переворота, не захотела эмигрировать и осталась во Франции, правители которой и при Директории продолжали считать себя преемниками революционеров.

Астольф рос в эпоху Империи, но воспитывался в уважении к Бурбонам, поэтому в феврале 1814 года, еще до падения Наполеона, отправился в Нанси, где находились сторонники графа д'Артуа, младшего брата Людовика XVIII; к роялистам он, однако, относился критически. «Нашу партию поддерживают такие болваны, что я краснею от стыда», — пишет он матери 10 апреля 1814 года, через десять дней после вступления в Париж союзных войск¹. То же отчуждение от власти сохранилось у него и в эпоху Реставрации, когда роялисты пришли к власти. В начале ноября 1814 года молодой дипломат Алексис де Ноай берет Астольфа с собою в Вену, где заседает знаменитый Венский конгресс — европейские монархи обсуждают судьбы посленаполеоновской Европы. Реакция Кюстина скептична: «Ярмарочный шарлатан намалевал на двери заманчивую вывеску, будящую любопытство досужих зевак. Все бросаются в его заведение, обнаруживают, что там нет ровно ничего интересного, но, выйдя, говорят другим: „Ступайте туда, на это стоит посмотреть!“ Никто не желает признать себя обманутым, и честолюбие простофиль помогает шарлатану поймать на ту же удочку все больше и больше народу. (...) Вот в точности история конгресса, на нем никто ничего не делает, но он происходит за закрытыми дверями, а это много значит для тех, кого внутрь не пускают»². Многих аристократов возвращение Бурбонов на французский трон привело в состояние эйфории, Кюстин же сохраняет трезвость и сознает, насколько чужда Франции старинная династия: «Французы не помнят, кто такие Бурбоны, не знают, кто такой Monsieur (граф д'Артуа, будущий Карл X), осведомляются, кем он приходится Людовику XVI, расспрашивают один другого о генеалогии наших принцев и говорят о них, как о картинах, разысканных в какой-нибудь заброшенной церкви»³.

Кюстин не был практикующим политиком; и в юности, и в зрелые годы он предпочитал оценивать тех или иных политических деятелей, исходя прежде всего из нравственных критериев. «Политика мне либо скучна, либо страшна, — писал он Рахели Варнгаген 4 февраля 1831 года, — я ненавижу правительства, которые вынуждают весь свет работать на себя. Правительства кажутся мне неизбежным злом, неотвратимым следствием общественного состоя-

¹ Цит. по: *Tarn*. P. 46.

² Цит. по: *Tarn*. P. 51.

³ Цит. по: *Maugras*. P. 470 (письмо к матери 12 апреля 1814 г.). Граф д'Артуа приходился казенному во время революции королю Людовику XVI младшим братом.

ния; по мне, лучшим будет то правительство, в работе которого принимает участие как можно меньшее число людей, — если, конечно, правительство это не убивает свободу. Я могу сказать об этом современном божестве то же, что вельможи у Лабрюйера говорят о дворе: оно не делает меня счастливым, но не позволяет мне быть счастливым без него. (...) Я ненавижу те лживые правительства, какие именуются представительными. Я желал бы жить в большом государстве с чистой монархией, ограниченной мягкостью европейских нравов, или в стране маленькой и чисто демократической. Да и это последнее не доставило бы мне много радости. Твердо я знаю лишь одно: нами управляют люди тщеславные и, по причине своей посредственности, лицемерные...»¹

Если Кюстин испытывал недовольство властью в эпоху Реставрации, у него было еще меньше оснований быть довольным Июльской монархией. Эта монархия, конституционная и буржуазная, не устраивала его по многим причинам: он полагал, что она лжива, предаёт честь Франции (Луи-Филипп отличался миролюбием и не желал ввязываться в войны) и, главное, отдаёт управление страной на откуп толпе, толпа же, был убежден Кюстин, «не способна хранить запас основополагающих идей, необходимых для жизни человеческого рода»². Споря (в постскрипуме к 31-му письму «Испании при Фердинанде VII») с А. Токвилем, который в книге «Демократия в Америке» (1835) утверждал, что человеческое общество неотвратно движется к абсолютной демократии, Кюстин отказался признать неотвратимость этого движения, неизбежность прощания человечества с абсолютизмом — режимом, в котором ему хотелось видеть залог порядка и спокойствия.

Примерно той же точки зрения придерживались французские легитимисты (сторонники свергнутой в июле 1830 года старшей ветви Бурбонов). В споре с республиканцами и доктринерами (представителями правящей партии) они охотно ссылались на Россию. Ее пример, писали легитимистские публицисты, доказывает, как благотельно влияет на жизнь и нравы страны абсолютная монархия. Начиная с XVIII века во французском сознании боролись два взгляда на Россию: одни мыслители смотрели на нее как на молодую, динамичную нацию с просвещенным монархом (монархиней) на троне (французский исследователь А. Лортолари назвал это обольстительное действие екатерининской России на французских просветителей «русским миражом»), другие видели в ней средоточие разрушительного деспотизма, представляющего опасность для соседей, и страшились «крестового похода» против европейской цивилизации, который она вот-вот может предпринять³.

¹ *Lettres à Varnhagen*. P. 360–361. Те же мысли Кюстин высказывает и в «России в 1839 году» (см. с. 233).

² *Espagne*. P. 318.

³ См.: Liechtenhan F.-D. La progression de l'interdit: les récits de voyage en Russie et leur critique à l'époque des tsars // *Revue Suisse d'histoire*. 1993. Vol. 43. P. 15–41.

«Царство порядка» или «империя кнута», идеал или кошмар — такой изобразили Россию участники политических дискуссий 1830-х годов, печатавшиеся в тех газетах, из которых Кюстин, пусть даже не всегда осознанно, черпал свои представления. Его путешествие в Россию было задумано не только и не столько как поездка в экзотическую страну за острыми ощущениями. Это был своего рода идеологический эксперимент: Кюстин захотел убедиться своими глазами, способна ли русская абсолютная монархия оправдать надежды, которые возлагают на нее французские легитимисты. Кюстин очень надеялся, что Россия эти надежды оправдает, но изначальный скептицизм и нежелание обманываться мнимостями, декорациями взяли свое. Эксперимент окончился тем, что монархист вернулся из России противником абсолютной монархии и сторонником представительного правления как наименьшего из зол¹. Перемена идеологии — переживание, которое Кюстин испытал при столкновении с Россией и описал в своей книге. Он сам предупредил об этом в предисловии: «Я ехал в Россию, дабы отыскать там доводы против представительного правления, я возвращаюсь сторонником конституций». Именно эта способность автора к эволюции отличает книгу Кюстина от множества других путевых заметок, автор которых остается неизменным на протяжении всей книги.

«Россия в 1839 году» — своего рода отчет об экзамене на соответствие легитимистскому идеалу, который маркиз устраивает описываемой стране. Те внешние черты российской действительности, которые Кюстин увидел и описал, запечатлены в книгах и статьях едва ли не всех его предшественников и современников, также побывавших в России («параллельные» эти места мы по мере возможности отмечаем в комментариях). Если бы не упоминание о «царственной блуднице» Екатерине II и Потемкине, то нижеследующий отрывок из романа Жюль Жанена «Барнав» (1831) можно было бы принять за конспект книги Кюстина, в 1831 году, впрочем, еще не существовавшей даже в проекте. У Жанена один герой говорит другому: «Нынче европейская драма разыгрывается на берегах Невы. Ехать сегодня нужно в Россию. Россия — венец мира, я люблю ее ледяной холод и летний зной, люблю ее сосновые дворцы, терракотовые крепости и восточные минареты; прислушайтесь к шуму растущей империи, и вы поймете, с какой скоростью она распространяется вширь. На вашем месте я непременно отправился бы взглянуть, по какой цене продают людей, я побывал бы на Макарьевской ярмарке, я с радостью изучил

¹ Дополнительным источником разочарования стало то, что Кюстин не нашел в России ни настоящей экзотики, подлинного «национального колорита», как в Испании, ни настоящей, полноценной цивилизации, а только ее имитацию. Эта половинчатость страшно раздражала французского путешественника и казалась ему еще одним проявлением лицемерия.

бы, посредством скольких стараний крестьянина превращают в солдата, я охотно последовал бы за юнцами, не знающими счета золоту, которые ведут себя дерзко, как выскочки, хотя на самом деле принадлежат к родам древним, как сама империя; я не оставил бы без внимания даже творения местных муз — грубые подражания, лишенные каких бы то ни было признаков национальности; я хотел бы увидеть трон, воздвигнутый на краю пропасти, в которую сын сбрасывает отца, чтобы поскорее занять его место; я побывал бы в Санкт-Петербурге, чтобы повстречаться с той царственной блудницей, которая осыпает золотом восхваляющих ее французских литераторов, и не успокоился бы до тех пор, пока подозрительная местная полиция не арестовала бы меня за то, что я освистал одну из любовниц князя Потемкина»¹. Все мотивы будущей книги Кюстина, вплоть до посещения Макарьевской ярмарки, общения с «золотой молодежью» и страха преследований со стороны полиции, здесь запрограммированы — именно потому, что матрица европейского восприятия уже полностью сложилась. Не случайно полковник Гагерн, посетивший Россию тем же летом 1839 года в свите голландского принца Александра Оранского, писал отцу по прочтении книги Кюстина: «Я не нашел в нем (Кюстине) ничего нового, но встретил подтверждение моих собственных взглядов»². Однако ни один из предшественников Кюстина, авторов книг о России: ни аббат Шапп д'Отрош, ни водевилист Ансело, ни только что упомянутый полковник Гагерн, не говоря уже о дипломате Фабере или статистике Шницлере, — не снискали той шумной известности, какую завоевала «Россия в 1839 году», хотя у их сочинений есть немало достоинств.

Дело в том, что у Кюстина были свои представления о том, каковы должны быть идеальные путевые заметки. Долг всякого путешественника, пишет он в посвящении мисс Боулз, открывающем книгу «Испания при Фердинанде VII», — описывать увиденное как можно более ярко и непосредственно, но этого мало; «недостаточно рассказывать о том, что есть, нужно уметь видеть вещи с интересной стороны. (...) Как же избежать беспорядка; как, то и дело удивляя читателя новыми картинками, не утомить его постоянной сменой точек зрения и не смутить его вашими собственными сомнениями? С помощью главной мысли, идеи, которую вы невольно, безотчетно будете применять ко всему! Идея эта станет нитью, которая свяжет меж собою все остальные мысли и проведет вас самого сквозь хаос самых противоречивых ваших впечатлений. Благодаря ей переживания и раздумья окажутся тесно сплетены с описаниями и предстанут их естественным следствием. (...) Путешественник-писатель должен, на мой взгляд, пройти между двух рифов: с одной стороны ему

¹ Janin J. Barnave. Bruxelles, 1831. P. 19–20.

² PC. 1886. № 7. С. 24.

грозит опасность утонуть в общих словах, которые все обесцвечивают, с другой — погибнуть от лжи, которая все убивает: без правды нет увлекательности, но без порядка нет стиля, следовательно, нет жизни»¹.

Итак, один из источников долголетия книги Кюстина в том, что она не только описывает поездку по реальной России реального маркиза-писателя, но осуществляет своеобразный суд над идеей, над мифом о России, якобы призванной спасти старую Европу от демократической революции. Но в не меньшей степени успеху книги способствовала такая чисто стилистическая особенность Кюстина-писателя, как его пристрастие к моралистическим афоризмам, к фразам-сентенциям. В этом отношении он был безусловным наследником французской традиции XVII–XVIII веков, и Бальзак имел все основания назвать его продолжателем Шамфора в том, что касается наблюдательности, и Ривароля в том, что касается острого ума, и, таким образом, уподобить его двум самым блистательным мастерам афоризма, каких знал французский XVIII век. Выразительный пример кюстиновского описательного стиля — афористического и подчиняющего разные образы одной главенствующей идее — отрывок из романа «Этель»: «У каждого города на земном шаре есть свой главный звук; в Лондоне это скрип машин и свист пара, вырывающегося из-под клапана; в Петербурге — барабанный бой; в Риме — могильный звон колоколов; в Неаполе — любовные песни и храп спящих горожан; в Вене — оратория хора в сопровождении оркестра, звучащая одновременно с музыкой театральной и салонной, в Берлине — гнусавый голос профессора, вещающего с кафедры, в Амстердаме — звон золота, высыпаемого на прилавок, в Мадриде или, скорее, в Севилье, истинной столице Испании, — стук кастаньет. (...) Что же касается до Парижа, то здесь главный звук — скрип пера, марающего бумагу»².

В той же афористической манере написана книга о России, и в этом ее радикальное отличие от книг других французских путешественников. Иллюзорность «парадной» стороны российской жизни замечали многие, но «царством фасадов»³ нарек Россию один Кюстин. Афоризм же всегда шире, чем какое-то конкретное явление, им обозначаемое. Вся «Россия в 1839 году» оказалась таким афоризмом, уязвимым в частностях, но точным по сути, причем точным с «опережением»: как верно заметил американский исследователь Дж. Ф. Кеннан, книга Кюстина, хотя и посвящена России Николая I, удивив-

¹ *Espagne*. P. 11–13.

² *Ethel*. Т. 1. P. 330.

³ См. с. 572. Выражение это перенял у Кюстина Герцен, в своей написанной на французском языке книге «О развитии революционных идей в России» назвавший официальную Россию «империй фасадов» (*Herzen A. Du développement des idées révolutionnaires en Russie*. P., 1851. P. 89).

тельным образом оказалась применимой в не меньшей степени к России Сталина и Брежнева¹.

«Подобно моралистам, вы действуете с помощью мыслей тонких, емких, острых как жало, которое достигает самой глубины сердца»², — эти слова Бальзака, сказанные по поводу книги Кюстина об Испании, можно отнести и к его книге о России. Именно так, как жало, которое достигает самой глубины сердца, она и подействовала на русских читателей.

* * *

Я уже сказала, что книга сразу после ее выхода в свет во Франции была запрещена в России. Однако в 1843 году в России было достаточно людей, знающих французский, и поэтому книга Кюстина «читалась у нас повсеместно»³. Создалась ситуация довольно парадоксальная: официально книги в России как бы не существовало; решительно возбранялись даже упоминания о ней, но, несмотря на это, с ней знакомились и при дворе, и в свете, и в литературных кругах. В конечном счете история восприятия русским правительством и русской публикой книги Кюстина стала одной из составляющих ее странной известности в России — известности книги, которую за полтора столетия так и не перевели полностью на русский язык, хотя посвящена она русской действительности. Автор одного из самых недоброжелательных русских опровержений на Кюстина, Я. Н. Толстой, был совершенно прав, когда сказал, что «отныне для публики г-н де Кюстин будет уже не тем, кем был прежде, — он будет автором „России в 1839 году“»⁴.

¹ См.: Kennan G. F. *The Marquis de Custine and His «Russie en 1839»*. Princeton, 1971. P. 124; рус. пер.: Кеннан Дж. Ф. *Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году»*. М., 2006. Между прочим, еще до Кеннана эту современность книги Кюстина ясно осознали французские литераторы. И Анри Масси, опубликовавший ее сокращенное издание под названием «Письма из России» в 1946 г. (2-е изд. 1960), и Жак Бреннер, выпустивший свое, тоже сокращенное издание в 1957 г. под названием «Путешествие в Россию», отмечают в предисловиях, что большевистский режим в сущности мало чем отличается от царского самодержавия, описанного Кюстином. Невольных предсказаний в книге Кюстина немало. Например, за сто лет до Джорджа Оруэлла он превосходно описал механизм переписывания истории в тоталитарном государстве: русским, пишет он саркастически, следовало бы вышвырнуть карамзинскую «Историю» из всех библиотек «и выпустить другое, исправленное ее издание, объявив первое апокрифом, а всего лучше — сказать, что этого первого издания никогда не существовало и первым вышло в свет издание второе» (с. 500).

² Balzac H. de. *Correspondance*. P., 1964. Т. 3. P. 426.

³ Анненков П. В. *Литературные воспоминания*. М., 1983. С. 246 (подробнее см.: *Миличина, Основат* 1994. С. 110–112). Ср. также свидетельство в дневнике М. А. Корфа: «Как книга сочинена французом высшего общества и предмет ее так нам близок, то она произвела здесь, повторяю, чрезвычайный эффект и хотя, естественно, строго запрещена, однако весь аристократический круг ее прочел, а кто и не прочел, не сознается в том *из тона*» (28 июля 1843 г.; *Корф* 1843. С. 260).

⁴ *Tolstoy*. P. 4.

Первым русским откликом на книгу Кюстина следует считать донесение того же Толстого — с 1837 года тайного агента III Отделения в Париже — шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу от 27 мая / 8 июня 1843 года. Сообщив, что 8/20 мая (то есть ровно через неделю после выхода книги из печати) он послал новую книгу о России в Петербург пароходом из Гавра, Толстой изумляется: неужели с ее автором обходились в Зимнем дворце так ласково, как он это изображает в книге? Ведь в Париже он «пользуется отвратительной репутацией, ибо предается мерзкому пороку и в хорошем обществе его не принимают...»¹. Толстой был готов тотчас написать опровержение (для того чтобы вовремя опровергать «клеветы» на Россию, его и держали в Париже под видом корреспондента Министерства народного просвещения). Однако Кюстин упомянул — и весьма нелюбезно — Толстого в своей книге, назвав его брошюру «Взгляд на российское законодательство» (1840) «гимном в прозе деспотизму». Поэтому, чтобы не быть заподозренным в желании отомстить за себя самого, Толстой решил (как делал очень часто) опубликовать свою критику под чужим именем и уже нашел верного человека, которому было поручено прислать текст опровержения «из Франкфурта»².

Между тем у начальства были другие виды. В записке, датированной 19 июня 1843 года, министр просвещения С. С. Уваров изложил свой взгляд на книгу Кюстина и способы борьбы с нею: не опровергать Кюстина напрямую и от лица русских, но найти в Париже, «где — при соблюдении некоторых предосторожностей — все покупается и — при наличии определенной ловкости — все продается», именитого писателя, купить его услуги и издать под его именем труд, который Уваров брался написать сам, — апологию российского государственного устройства, зиждущегося на неразрывной связи императора и его народа (той самой связи, в которой дерзнул усомниться Кюстин)³.

¹ ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 4. № 192. Л. 63 об.; подл. по-фр. Заметим, что представления о Кюстине у публики не столь осведомленной, как Я. Н. Толстой, были подчас самые фантастические; так, петербургский чиновник А. А. Малышев утверждал в своих «Воспоминаниях о прошлом», что Кюстин два года прожил в Петербурге, состоял при французском посольстве (на самом деле, как известно, Кюстин провел в России всего два месяца), женился (!) на фрейлине Дубенской, а затем «написал о России книгу, вероятно не отдавая своего труда на предварительный просмотр своей умной супруги» (Исторический вестник. 1885. № 6. С. 651). Фрейлина Дубенская действительно вышла замуж за сотрудника французского посольства в Петербурге Т. де Лагрене, но к Кюстину эти события не имели ни малейшего отношения.

² ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 4. № 192. Л. 79; подл. по-фр. (Я. Н. Толстой — А. А. Сагтынскому, 19/31 августа 1843 г.).

³ См.: Мильчина, *Осват* 1995. Уваров еще двумя годами раньше опробовал свои силы в качестве французского публициста: вероятно, именно ему принадлежит серия статей о России, представленных как записки француза, близкого к российскому двору, и опубликованных в 1841 г. в журнале «Revue de Paris» (т. 25, 26); см.: Назарова Н. Исторический анекдот на службе у государства: источники и контекст статей С. С. Уварова в «Revue de Paris» // Русско-французский разговорник, или / ou les Causeries du 7 septembre. М., 2014. С. 39–50. Кюстин, возможно, был знаком с этими статьями (см. примеч. к с. 153, 156, 410, 445).

Первоначально на роль известного писателя, который бы «предоставил свое имя в распоряжение русских», прочили Бальзака (см. депешу российского поверенного в делах Н. Д. Киселева от 12/24 июля 1843 года, извещающую о его скором приезде в Россию и предлагающую использовать его в этом качестве)¹, однако предложение то ли не было принято, то ли (что более вероятно) даже не было сделано; единственный намек на эту ситуацию в письме Бальзака к Э. Ганской нимало не проясняет дела. «Здесь ходят слухи, — сообщал он ей из Парижа 3/15 ноября 1843 года, по возвращении из России, — что я пишу опровержение на Кюстина и получил за это в России немало серебряных рублей. Я отрицаю только рубли! остальное вы знаете»².

Вместо этого в сентябре 1843 года в Париже была выпущена (анонимно) брошюра русского дипломата польского происхождения К. Лабенского «Реплика о книге маркиза де Кюстина „Россия в 1839 году“, сочинение русского автора», присланная из Петербурга в русское посольство в Париже и вверенная Н. Д. Киселевым попечению Я. Н. Толстого, который и занялся ее изданием³. Сам Толстой, однако, был не слишком доволен в эту пору брошюрой Лабенского. «Рукопись написана превосходно, но она ничего не опровергает, — жаловался он Бенкендорфу 2/14 сентября 1843 года, — это не более чем блестящее и очень пространное рассуждение о духе сочинения Кюстина вообще, рассуждение с немалыми претензиями, чересчур чопорное, чересчур манерное и, простите мне это выражение, слегка притянутое за волосы. Не так пишутся обычно подобные памфлеты; это — великолепная сатира, которой недостает только рифмы»⁴.

Толстому, который сам был опытным сочинителем «подобных памфлетов», в этот момент выпускать собственное опровержение было запрещено, и он ограничился тем, что сообщил основные идеи и конкретные факты французскому журналисту Ж.-Ж. Шод-Эгу, давнему недоброжелателю Кюстина, еще в июне 1838 году в еженедельнике «Artiste» назвавшему «отвратительной» его книгу об Испании. Весьма критический разбор «России в 1839 году» за подписью Шод-Эга появился в журнале «Revue de Paris» 31 декабря 1843 года.

¹ ЛН. Т. 31/32. С. 154–155.

² Balzac H. de. *Lettres à Madame Hanska*. P., 1990. Т. 1. P. 739; ср. в «Письме о Киеве» (1847, изд. 1927): «Многие глупцы утверждали, что Его Величество император российский намеревался нанять французского сочинителя для опровержения книги г-на де Кюстина и одарил меня в пору моего пребывания в Петербурге немалым числом крестьян. Итак, для начала я торжественно объявляю, что я не подходил к императору Николаю ближе чем на пять метров, что он никогда со мною не виделся и, следовательно, не говорил...» (Пинакотка. 2002. № 13/14. Приложение. С. 3). Ср. также отражение этих слухов в письме Кюстина к Варнгагену от 7 августа 1843 г.: «Вот уже и Бальзака призвали опровергать меня» (*Lettres à Varnhagen*. P. 469).

³ ГАРФ. Ф. 109. С.А. Оп. 4. № 195. Л. 103 (донесение Бенкендорфу от 2/14 сентября 1843 г.). Подробнее о брошюре Лабенского см. примеч. к с. 29.

⁴ Там же. № 195. Л. 103 об.

Впрочем, готова эта статья была еще в сентябре, но Ф. Бюлоз, редактор журнала, счел ее «чересчур русской», то есть чересчур дышащей обидой на «клеветника» Кюстина, и порекомендовал Шод-Эгу внести правку и вставить несколько фраз, критических по отношению к России. По мнению Толстого, это пошло статье лишь на пользу, ибо сообщило ей видимость беспристрастия¹; по словам того же Толстого, Кюстин якобы сказал, что заплатил бы 10 000 франков, лишь бы сочинение Шод-Эга не вышло в свет².

Между тем в ноябре 1843 года «Россия в 1839 году», имевшая огромный успех и стремительно распроданная³, вышла вторым изданием. Стремясь нейтрализовать эту публикацию, русское правительство позволило наконец Я. Толстому издать его опровержение. У Толстого кое-что уже было готово, но он, во-первых, решил дожидаться выхода второго издания, а во-вторых, изменил свое мнение о тоне, в каком должно быть написано подобное опровержение. «Мое первоначальное намерение, — докладывал он 5/17 января 1844 года, сразу после выхода его брошюры, Бенкендорфу, — было атаковать сочинение г-на де Кюстина последовательно, рассматривая письмо за письмом и методически сокрушая его построения; именно так был написан первый вариант моего опровержения, но с тех пор я успел убедиться, что серьезное, методическое опровержение не произведет здесь никакого действия; чтобы привлечь внимание французской публики, потребна пикантная сатира, колкая и саркастическая, доказательство чему — успех брошюры г-на Лабенского, какой брошюры я, по приказанию г-на Киселева, уже отпечатал второе издание (...) Итак, я постарался сделать мою брошюру легкой, язвительной, полной сарказма и иронии; не знаю, удалось ли мне добиться намеченного, но знаю твердо, что она заживо задела г-на де Кюстина, ибо я нападаю на его постыдные пороки и гнусные привычки»⁴, в другом месте Толстой поясняет, что знает наверное: Кюстин «очень чувствителен к намекам на свою педерастию»⁵ (Толстой писал, что цель книги — замять скандалы, в которых замешан ее ав-

¹ ГАРФ. Ф. 109. С.А. Оп. 4. № 195. Л. 104, 126 об. — донесения Бенкендорфу от 2/14 сентября 1843 г. и 5/17 января 1844 г.

² Там же. № 195. Л. 126 об.

³ См. примеч. к с. 29. Популярность Кюстина признавало даже III Отделение, отмечавшее в своем «Нравственно-политическом отчете за 1844 год», что это сочинение «имело за границей обширный успех, который породил зависть в других спекуляторах», и они принялись в свой черед издавать клеветнические сочинения о России, однако соперничать с Кюстином этим авторам оказалось не под силу, ибо — резюмирует уже отчет за 1845 г. — «парижская публика не обращает внимания на то, что не заключает в себе особенно нового и любопытного» (*Отчеты*. С. 347, 364).

⁴ Там же. № 195, л. 125–125 об; подл. по-фр. М. А. Корф также был уверен, что Кюстина нельзя опровергать «по пунктам»: такой ответ «должен был бы походить часто на бой Дон Кихота с мельницами, так тут много вздору, тривиальностей и вещей, против которых смешно было бы даже возражать» (запись в дневнике от 28 июля 1843 г.; *Корф 1843*. С. 260).

⁵ Там же. № 192, л. 90; письмо А. А. Сагтынскому от того же 5/17 января 1844 г.; подл. по-фр.

тор). Брошюра Толстого «„Россия в 1839 году“, привидевшаяся г-ну де Кюстину, или Письма об этом сочинении, присланные из Франкфурта» (на фр. яз.; под псевдонимом Яков Яковлев) вышла в свет в конце января 1844 года.

Если Толстому и Лабенскому опровержения были заказаны, то Н. И. Греч¹ написал свое «Рассмотрение сочинения маркиза де Кюстина под названием „Россия в 1839 году“» по собственной инициативе. 24 августа 1843 года он прислал текст своего опровержения из Германии управляющему III Отделением Л. В. Дубельту, а месяц спустя начальник Дубельта Бенкендорф, внося в текст Греча незначительные поправки, одобрил его, и вскоре оно вышло в свет на двух языках — на немецком в конце 1843 года, а на французском — в январе 1844 года, незадолго до брошюры Толстого, причем публикация эта сопровождалась громким скандалом, так как из-за нескромности Греча европейская публика узнала о причастности к ней российских властей (причастности, которую те вовсе не стремились афишировать)². Опровержение Греча — самое дотошное и обстоятельное из всех; он не пропускает ни одной мелочи, вроде формы еловых брусков, которыми вымощен Невский проспект; именно поэтому, как утверждал Толстой, сочинение Греча в Париже не произвело ни малейшего действия и почти никем не читалось³.

Еще одно опровержение Кюстина, — впрочем, оставшееся неопубликованным, — написал в 1844 году отставной дипломат Михаил Аполлонович Волков (1799–1882); этот текст на французском языке под названием «La Russie et ses ressources» («Россия и ее богатства») известен по выпискам, сделанным в Министерстве иностранных дел, и по резюме, составленному чиновником III Отделения для Л. В. Дубельта⁴. Подчиненный Дубельта формулирует задачи, которые поставил перед собою Волков, следующим образом: «Изданные за границу в недавнем времени сочинения о России, в особенности же книга маркиза *де Кюстина*, возбуждая любопытство читающей публики во Франции и Германии как произведение писателя, пользующегося известностью в литературном мире, подали повод к толкам европейской журналистики как об отечестве нашем, так и о сочинении близорукого французского арис-

¹ См. примеч. к с. 127.

² *Лемке*. С. 143–151. Свою версию появления этой брошюры (и последующих ее переводов) Греч изложил в письме к Ф. В. Булгарину от 13/25 ноября 1843 г. (см.: Рейтблат А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 386–388).

³ См.: ГАРФ. Ф. 109. С.А. Оп. 4. № 195. Л. 126. В числе причин неуспеха греческой брошюры Толстой называл также ее скверный перевод на французский (в самом деле довольно топорный). Библиограф Керар указывает в качестве переводчика некоего Фогеля, относительно же Александра Кузнецова, который значится переводчиком на титульном листе брошюры, Керар утверждает, что это камердинер Греча (Quéard J.-M., Louandre Ch., Bourquelot F. *La littérature française contemporaine, 1827–1849*. P., 1852. Т. 4. P. 169). Между тем Александр Григорьевич Кузнецов в 1840–1850-х гг. в самом деле служил в «Северной пчеле» корректором и переводчиком (см.: Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 393).

⁴ См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 213. № 16. Л. 1–17 об.

тократа. В сочинениях сих обнаруживается, при немногих истинах, самое невежественное понятие о гражданском устройстве России, ее истории, искажаются самые мудрые меры правительства и в высшей степени изъясняется дух зависти, недоброжелательства и желания унижить народ, видимо предназначенный Провидением занять одну из первых степеней во Всемирной истории. Сочинения эти, доселе выставяющие нас северными варварами, породили ошибочное понятие в массе читателей и побудили, по-видимому, автора „La Russie et ses ressources“ начертать в кратком обзоре верное и отчетливое изложение настоящего состояния России». Волков в самом деле полемизирует с Кюстином, подчеркивая прежде всего органичность для России тех черт ее общественного устройства, которые кажутся Кюстину досадными недоразумениями или проявлениями варварства. Так, уничтожение Петром I патриаршества он объясняет «непомерным честолюбием» Никона, поселившим в нем «дерзновенную мысль отлучить от Церкви царя Алексея Михайловича»; поведение Никона «побудило духовенство русское и греческое совокупными силами низложить его с Патриаршьяго престола»; именно для того, чтобы «предупредить возможность подобных бедствий», Петр и уничтожил сан патриарха. Волков всячески подчеркивает огромные успехи, сделанные Россией как в экономике, так и в просвещении подданных, поэтому Дубельт в письме к министру народного просвещения С. С. Уварову от 13 июня 1844 года не мог не признать, что сочинение Волкова «чрезвычайно благонамеренное и что над этим сочинением трудился человек просвещенный, желающий добра России и основательно знающий историю и материальное положение оной»; тем не менее опубликовать его Волкову было разрешено только за границей и при условии, что «он примет совет не издавать оного от имени русского подданного» (автор этим разрешением, по всей вероятности, не воспользовался; французская публикация его брошюры нам неизвестна). Причина подобной строгости заключалась в том, что царское правительство желало избежать открытой полемики с Кюстином и ему подобными, чтобы не возбуждать к ним дополнительного интереса; «бесперывное указание г. Волкова на маркиза Кюстина и других писателей», полагал Дубельт, «заставит всякого читателя обращаться к источнику, и таким образом книги запрещенные получат большую известность и соделаются некоторым образом мнимо запрещенными».

Такое решение вполне соответствовало общей политике русского правительства, исходившего из того, что «журнальная война и возражения ни к чему не ведут: они только возбуждают внимание и породят бесконечные распри, в которых затмевается самая истина. Несравненно лучше следовать принятому нами правилу — возражать молчанием и презрением, тем более что зло уничтожается собственным своим излишеством; нелепость и огромность об-

винений сами собою доказывают их неосновательность и ничтожность»¹ и что «величественное молчание на общий лай приличнее сильной державе, чем журнальная перебранка»². Эта позиция превосходно осознавалась сколько-нибудь осведомленными иностранными наблюдателями; см., например, реплику английского путешественника, посетившего Россию уже после выхода книги Кюстина: «Основа системы управления — тайна, а ее стержень — в почти невидимой руке; поэтому русское должностное лицо должно нарушить первый закон своей профессии, если станет публично опровергать даже самые голословные наветы на свое правительство»³.

Частные лица, однако, продолжали откликаться на «Россию в 1839 году». Например, написал опровержение П. А. Вяземский, оскорбившийся книгой Кюстина и увидевший в ней «сплошь крики и брань черни», «скудное злословие» человека «с подпорченной репутацией»⁴. Однако в связи с опубликованием царским правительством указа «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов» от 15/27 марта 1844 года Вяземский понял, что «благомыслящему русскому нельзя говорить в Европе о России и за Россию», и отказался от намерения публиковать свою статью, которая увидела свет лишь в 1967 году в книге М. Кадо⁵.

За подробными разборами книги Кюстина русскими литераторами последовали сочинения, авторы которых использовали полемику с ней как предлог для общих историософских рассуждений о судьбе России. Это прежде всего брошюра Ф. И. Тютчева «Письмо г-ну Густаву Кольбу, редактору „Аугсбургской Всеобщей газеты“» (июнь 1844 г.; на фр. яз.), где книга Кюстина названа «лишним свидетельством того бесстыдства ума, той умственной распущенности, какие составляют характеристическую черту нашей эпохи, прежде всего во Франции, и приводят к тому, что иные авторы позволяют себе толковать о предметах самых серьезных и самых возвышенных, основываясь не столько на доводах разума, сколько на показаниях раздраженных нервов, позволяют себе судить о целом мире с таким легкомыслием, с каким прежде не дерзнули

¹ *Отчеты*. С. 365.

² Реплика Николая I 1853 г.; цит. по: Шевченко М. М. Конец одного величия. М., 2003. С. 117. Подробнее о рукописи Волкова см.: *Мильчина* 2004. С. 260–290.

³ Bourke Richard S. St. Petersburg And Moscow: A Visit To The Court Of The Czar. London, 1846. Vol. 1. P. 81.

⁴ *Мильчина, Осват* 1994. С. 124.

⁵ См. подробнее: *Мильчина, Осват* 1994. С. 114–115, 124–125; русский перевод опровержения Вяземского см.: Невелев Г. А. А. де Кюстин и П. А. Вяземский // Теоретическая культурология и проблемы отечественной культуры. Брянск, 1992. С. 66–98. В июне 1844 г. Вяземский в письме к Варнгагену фон Энзе мотивировал свой отказ от публикации антикюстиновской брошюры во Франции тем, что «пытаться внушить французам истину — напрасный труд. Француз верит только тому, чему верят в его приходе, а убеждения питает лишь те, какие почерпнул из своей газеты» (*Ljunggren*. P. 81).

бы разбирать водевиль»¹. К «косвенным» откликам на книгу Кюстина относятся также брошюра Ф. Ф. Вигеля «Россия, завоеванная немцами» (сентябрь 1844 г.; на фр. яз.), где основным источником российских несчастий объявляется засилье немцев среди чиновников, но заодно достается и Кюстину — «легитимисту из тщеславия, либералу из честолюбивого расчета»², и статья А. С. Хомякова «Мнение иностранцев о России» (Москвитянин. 1845. № 4), где Кюстин не назван по имени, но зато упомянут «маркиз», который поступает с русскими, «как его предки с виллениями» (крестьянами), и наполняет свою книгу «путаницей», «бесстыдной ложью» и «наглой злобой»³.

Русские печатные отзывы на книгу Кюстина были, по понятным причинам, выдержаны только во враждебных тонах, приватная же реакция на «Россию в 1839 году» оказалась весьма разнообразна: от решительного отрицания за иностранцем, да вдобавок человеком сомнительной репутации, права критиковать Россию, пусть даже она эту критику в какой-то мере заслуживает (согласно «формуле», выведенной по другому поводу Пушкиным: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство»)⁴, до признания, что Кюстин, сделав ошибки в подробностях, изобразил «сущность русского быта справедливо и точно» (Н. И. Тургенев), «раздражил нашу мертвечину» и тем «заслужил народную благодарность» (А. И. Тургенев)⁵. В этом ощущении, что Кюстин говорит правду — пусть и в высшей степени неприятную, — признавались даже люди, очень далекие от радикальной оппозиционности. М. П. Погодин в декабре 1843 года записывает в дневник: «А много жестокой правды у Кюстина, хоть он и очень скучен. (...) Много есть ужасающей правды о России. (...) когда начинает умничать, то делается скучен; но за изображение действий деспотизма, для нас часто неприятных, я готов поклониться ему в ноги»⁶.

Если такотреагировал на сочинение Кюстина консервативный Погодин, то ничего удивительного, что сходное действие произвело оно на оппозици-

¹ Тютчевский сборник. П. Тарту, 1999. С. 207. Напротив, в частных беседах Тютчев отзывался о книге Кюстина куда менее критично и даже хвалебно. 29 сентября 1843 г. его немецкий знакомец Варнгаген фон Энзе записал в дневнике: «О Кюстине отзываясь он довольно спокойно, многое поправляет, но и признает его достоинства. По его словам, книга произвела в России замечательное впечатление; все образованные и умные люди более или менее согласны с суждением автора; почти никто не бранится и хвалят тон изложения» (ЛН. М., 1989. Т. 97. Кн. 2. С. 460; подробнее см.: Осоват А. Л. Элементы политической мифологии Тютчева // Тютчевский сборник. П. Тарту, 1999. С. 231). См. также о влиянии кюстиновских характеристик Москвы (письма 24–27) на тютчевское восприятие Москвы в 1843 г.: Рогов К. Ю. К истории отношений Тютчева и Погодина // Там же. С. 88–92; см. также в наст. изд. примеч. к с. 512.

² Wieg. P. 96.

³ Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 83.

⁴ Пушкин. Т. 10. С. 161 (письмо к Вяземскому от 27 мая 1826 г.).

⁵ Мильчина, Осоват 1994. С. 120, 126.

⁶ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Т. 7. С. 285.

онного Герцена. Познакомившись с ним в октябре 1843 года, он назвал его «самой занимательной и умной книгой о России, писанной иностранцем»¹. К сходному выводу приходили и более или менее беспристрастные читатели других национальностей; ср., например, суждение английского путешественника: «Книга Кюстина „Россия в 1839“ произвела большую сенсацию в Европе и была почти повсеместно прочитана. Несмотря на эгоизм, тщеславие, поверхностность, пренебрежение реальными фактами (...) если отвлечься от рассказов о конкретных людях, от политики, от собственных дедукций автора и его абсурдных выводов, — эта книга, возможно, является лучшей картиной современного состояния России из всех существующих в мире...»² Но если для англичанина книга Кюстина была простым источником сведений и пищей для ума, то для русского ее чтение подчас оказывалось мучительным. «Книга эта действует на меня, как пытка, как камень, приваленный к груди, — признавался Герцен, — я не смотрю на его промахи, основа воззрения верна, и это страшное общество и эта страна — Россия. Его взгляд оскорбительно много видит»³.

Книга Кюстина в самом деле затрагивает столько больных мест в национальном самолюбии, что восприятие ее многими людьми (зачастую полного текста «Россия в 1839 году» не читавшими и судящими о ней по нескольким эффектным цитатам) до сих пор отличается горячностью, какую вызывает обычно только самая злободневная публицистика: на Кюстина обижаются, его бранят, клеймят за «русофобию» и проч. Даже у образованной, рожденной в дворянской семье мемуаристки Любови Шапориной Кюстин вызвал раздражение настолько сильное, что заставил ее на время отказаться от ненависти к большевикам. «Прочла здесь первый том хваленого мемуаров De Custine, — записывает она в дневник 28 сентября 1936 года. — Какой вздор. Не умный, но умничающий, самовлюбленный, поверхностный француз наслушался либеральничавшего придворного князя Козловского, кокетничавшего своими плевками по адресу родины, и ну ругать все подряд, ничего не зная и не понимая. (...) А у нас его захвалили, благо он все русское ругал. (...) Большевикам еще большая свечка поставится за то, что они учат патриотизму русских. Давно пора»⁴.

Меж тем Кюстин не был ни столь прямолинеен, ни столь агрессивен. Формула, мимоходом выведенная московским почт-директором А. Я. Булгаковым: «И черт его знает, какое его истинное заключение, то мы первый народ

¹ Герцен А. И. Сочинения: В 9 т. М., 1958. Т. 9. С. 124.

² Bourke Richard S. St. Petersburg And Moscow: A Visit To The Court Of The Czar. London, 1846. Vol. 1. P. 69.

³ Герцен А. И. Указ. соч. Т. 9. С. 128.

⁴ Шапорина Л. В. Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 211.

В. А. Мильчина

в мире, то мы самый гнуснейший!»¹ — замечательно охватывает весь спектр кюстиновских впечатлений от России. Тот, кто хочет возвращать за счет Кюстина собственный комплекс национальной неполноценности, волен читать его книгу как пасквиль и доказывать автору прошлого столетия, что он не прав. Но как представляется, разумнее наконец прочесть эту книгу как исторический документ, как свидетельство умного и тонкого (хотя порой вызывающе пристрастного) человека о чужой стране, увиденной в течение двух летних месяцев 1839 года.

*Вера Мильчина,
ведущий научный сотрудник
ИВГИ РГГУ и ШАГИ РАНХиГС*

¹ Мильчина, *Основат* 1994. С. 124 (письмо к П. А. Вяземскому от 22 декабря 1843 г. / 3 января 1844 г.). В менее парадоксальной и менее афористической форме ту же двойственность в отношении Кюстина к России отметил и хорошо знавший его немецкий литератор К. А. Варнгаген фон Энзе: «Я убежден, что книга г-на де Кюстина не причинит России серьезного вреда и даже, напротив, принесет ей пользу; уверяю Вас, в Германии она снискала императору гораздо больше поклонников, чем доставит ему дурно состряпанная брошюра г-на Греча, которому, вне всякого сомнения, не следовало верить благородное дело — защиту России. А между тем дело это благородное, я в этом убежден, да и сам г-н де Кюстин, кажется, того же мнения, ибо он утверждает, что Провидение уготовило русскому народу, который оно столько веков оставляло в резерве, славное будущее» (*Ljunggren*. P. 79). Более того, в наши дни такой несомненный патриот, как В. В. Кожин, счел возможным назвать свою статью об авторе «России в 1839 году» «Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России» (Москва. 1999. № 3. С. 164–169).